

мысль о самоубийстве. Мысли о самоубийстве — это попытка разрушить ту стену, которая выросла между личностью и миром.

Состояние безнадежности Н. Бердяев называет состоянием крайнего эгоцентризма, так как помимо «я» для личности, пораженной безнадежностью, ничего не существует. Но, вероятно, подсознательно человек понимает, что что-то должно быть. Исходя из всего сказанного, можно выстроить парадигму:

Надежда → альтруизм → смысл жизни → свет → жизнь.

Безнадежность → эгоцентризм → отсутствие смысла → тьма → смерть.

Решившись на самоубийство, человек отрицает три высшие христианские добродетели: вера, надежда, любовь. «Самоубийца есть человек, потерявший веру, Бог перестал для него быть реальной, благой силой, управляющей жизнью. Он есть также человек, потерявший надежду, впавший в грезы уныния и отчаяния и это более всего. Наконец, он есть также человек, не имеющий любви, он думает о себе и не думает о других, о ближних» [Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности. М.: Флинта, 1999; 121]. Это еще раз подчеркивает мысль о единстве добродетелей, о том, что потеря одной из них влечет за собой потерю всех остальных.

Надо отметить важное наблюдение Н. Бердяева: мгновения без надежды достаточно для появления мыслей о самоубийстве. До и после этого момента все восстановится, надежда вернется, но именно это мгновение порой оказывается решающим. «Для психологии самоубийства именно временное стало вечным, вечное же исчезло, именно земная жизнь с ее благами есть единственная существующая жизнь, и никакой другой жизни нет» [Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности. М.: Флинта, 1999; 123]. Мысль о том, что как раз земная жизнь есть временная, за ее пределами есть другая, вечная, высшая жизнь, могла бы остановить человека в состоянии безнадежности, так как тогда бы перед человеком встала задача «врастания в вечность, духовного восхождения, освобождения от власти дурной, несчастной, бессмысленной жизни мира» [Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности. М.: Флинта, 1999; 123]. Именно эта мысль и есть надежда, надежда на жизнь вечную, бессмертную.

Иногда, утверждает Николай Бердяев, смерть и самоубийство могут быть утешением, когда все другие утешения уже исчерпаны, то есть смерть тоже несет своего рода надежду, надежду избавиться от мук и страданий этого мира. «Только христианство утверждает бесстрашие перед страданиями и смысл страдания, значение креста» [Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности. М.: Флинта, 1999; 125]. В этом-то и заключается сила и притягательность христианской религии. Верующий человек стойко переносит все мучения. Самоубийство для него неприемлемо, так как мы — Божьи создания, жизнь дана Богом, и только он может ее прервать. Надо заметить, что какой бы ни была мучительной жизнь, оборвать ее еще мучительней, чтобы этого не случилось, нужна сила, поддержка, опора, которую можно найти в христианской религии. Христианство учит тому, что «страдание выносимо и имеет смысл. Страдание было бы невыносимо, если бы оно было бессмысленно» [Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности. М.: Флинта, 1999; 130]. Возрождение надежды — это приобретение смысла жизни во всех ее проявлениях.

«ДУША ВЫШЕ И ДОРОЖЕ ВСЕГО» (П.Е. АСТАФЬЕВ, П.А. БАКУНИН, Н.Н. СТРАХОВ)

Белов А. В. (Ростов-на-Дону)

Еще Сократ в философском положении «*познай самого себя!*» призывал человека к ясному и глубокому самосознанию: Но познать самого себя способен только я сам, и никто другой за меня этого сделать не сможет. Нельзя сказать, что принцип самосознания является исключительной особенностью русской философии, творчески испытывавшей на себе, по оценке Н.Н. Стрехова, «европейские влияния, лишь пробудившие те струны и силы, которые уже таились в русских душах», ибо любое влияние тогда эффективно, когда находит в том, что на него влияет, «*сродное себе*» (Г.С. Сковорода); но принцип самосознания делает русскую философию именно *философией*.

Автор книги «Основы веры и знания» П.А. Бакунин (1820—1900) понимал известный тезис «*cogito, ergo sum*» Р. Декарта «не в смысле способности сознавать что-либо другое, а только в смысле самосознания, действительно присутствующего только живому и только живущему существу». Он призна-

вал лишь одну истину — «истину саморазумения», и «всякий живущий несёт эту истину в себе самом», ибо, «взвизывая на себя самого, всякий находится в сфере самосознания и видит своё бытие из его центра». Такой взгляд на себя есть прямое, *непосредственное самоотношение*, то есть взгляд на своё бытие (или *самобытие*) из центра этого бытия. Обращение к живому самобытию *сущест*, а не к условному «бытию» идей и понятий, к понятию «жизнь» у П.А. Бакунина вовсе не случайность, так как диалектика человеческой жизни включает «внимание от себя к другому и внимание же от другого к себе». Именно *внутри* этого «круга внимания» формируется целостное *понимание* и себя и другого. Взятый в целостности и системности принцип самосознания открывает путь к познанию «*внутреннего человека*, в его полноте» (П.Е. Астафьев); и к познанию «единства саморазумения и разумения *другого*» (П.А. Бакунин).

И у Н.Н. Стрехова (1828—1896), автора книги «Мир как целое» мы находим указание, что «для человека исходною точкою всегда будет и должен быть сам *человек*». Именно «человек — вот величайшая загадка, узел мироздания», — констатировал Н.Н. Стрехов, — эта загадка еще «не заключает в себе решение дела, но её можно назвать ... *точною постановкою вопроса*». Он познает вещи путем «внимательного всматривания в их природу», — говорил Н.Н. Стрехов о Н.Я. Данилевском; он направляет «внимание от себя к другому и от другого к себе», всматривается в жизнь души человеческой, — писал П.А. Бакунин.

Русская философия (как, впрочем, и философия немецкая, пробудившая в своё время наши «струны и силы») стремилась познать не «мир вообще», но *мир человека*, ибо основу любой национальной философии составляет то, как человек переживает своё *бытие-в-мире*. Поэтому сначала русские философы П.Е. Астафьев, П.А. Бакунин, Н.Н. Стрехов разработали учение о *личном самосознании*, а затем *последовательно*, как настоящие философы своего народа, заговорили о *русском национальном самосознании*, которое открывает *национальное измерение* личного самосознания, и без которого личность оказывается внутренне ущербной.

Любой народ, чтобы выступить на историческом поприще культурным деятелем, должен составить себе *определённое* понятие о том, что ему дорого или ненавистно, о своих силах и стремлениях, важнейших задачах и потребностях, то есть о себе самом. Иначе говоря, он должен выработать у себя определённое *национальное самосознание*. Национальная культура мертва без национального духа; и потому нация = национальный дух *созидает* культуру как *органическое целое*. Раскрывая эту целостность, П.Е. Астафьев (1846—1893) следующим образом определял самобытность русского национального характера: «глубина, многосторонность, энергическая подвижность и теплота *внутренней жизни* и её *интересов* рядом с неспособностью и несклонностью ко всяким задачам *внешней организации*, внешнего упорядочения жизни и соответствующим равнодушием к внешним *формам, внешним благам и результатам* своей жизни и деятельности. *Душа выше и дороже всего: её спасение*, полнота, цельность и глубина её внутреннего мира — *прежде всего*, а всё прочее само приложится, несущественно — таков девиз “святой Руси”». . . Итак, *душа всего дороже* — таков основной мотив Православия, русского государства и русской нации.

ИСТОКИ ЭТИЧЕСКОЙ ДОМИНАНТЫ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Болотова Е. А. (Краснодар)

Традиционно, при характеристике русской философии в её специфических чертах, указывается на её «онтологизм», как включённость познания в наше отношение к миру, в наше «действие» в нём» (по выражению В.В. Зеньковского) и моральную установку. Причём можно говорить о неразрывной связи этики с гносеологией и определяющем характере первой в этой связке.

Неразрывность теории и практики в человеческом бытии в силу превалирующей доминанты морального сознания определяет творчество большинства русских философов. Несомненно, что корни этого явления, этого стиля мышления и соответствующего способа философствования нужно усматривать в христианстве, причём в православном учении. А именно в сформированном в нём понятии Истины. Вне зависимости от личного религиозного чувства сам менталитет русского человека основан на живой интуиции предельной Истины, заключённой в Боге. Собственно познание Истины в христианстве всегда есть только богопознание.